

Полифония как неизбежная реальность современного бытия

В.В. Красных (Москва)

Современный мир и современная окружающая нас среда – сложный конгломерат образов и знаков, служащих им означаемыми, которые – и образы, и знаки – имеют разную природу: и с точки зрения их онтогенеза, и с точки зрения их онтологии. Сегодня нас окружает «совмещенная» реальность, где вербальные феномены сосуществуют с невербальными, и наоборот. Посмотрите внимательно вокруг себя, и вы увидите много примеров подобного сосуществования. Это и улицы, украшенные названиями магазинов, рекламными щитами, вывесками, растяжками и под. Это и телевидение, где картинка сопровождается различными звуками разной степени членораздельности. Это и печатные издания, где слова обязательно – в большей или меньшей степени – сопровождаются картинками (иллюстрациями, карикатурами, схемами, таблицами и под.). Это и Интернет, где слово и картинка слиты в некий единый текст, создаваемый одновременно и вербальными и невербальными знаками. В психолингвистике, кстати, такие тексты – созданные знаками разных кодовых систем – называются креолизованными. В когнитивной науке такие тексты разграничиваются по двум критериям: 1) число семиотических систем, знаки которых использовались при создании текста, и 2) число рецептивных каналов, по которым происходит восприятие (в когнитивистике такие каналы называются модальными). Следовательно, есть тексты монокодовые и поликодовые, мономодальные и полимодальные. При этом мы имеем привативную оппозицию: монокодовый текст, как правило, не бывает полимодальным (исключение – чтение глазами и одновременное прослушивание какого-либо текста). Следовательно, второе разграничение «моно- / полимодальный» релевантно в первую очередь для поликодовых текстов. Например, поликодовые мономодальные тексты представлены карикатурами, комиксами, «беззвучными» текстами в Интернете (где есть комплекс «картинка + словесный текст»), рекламой на печатных носителях, билбордах, радиорекламой (где мы имеем комплекс «звучащее слово + звуки, принадлежащие иным, нежели язык, семиотическим системам, например, языку музыки»); поликодовые и одновременно полимодальные тексты – это фильмы, реклама на ТВ и под. Все это формирует среду нашего повседневного обитания. Следовательно, сегодня существует явная необходимость изучения данной «совмещенной» реальности, где вербальные феномены существуют в невербальном мире как его часть, а невербальный мир «отражается в зеркале» вербальности.

Соотношение вербального и невербального в современной медийной среде, окружающей человека, меняется. Сегодня мы можем констатировать все большую визуализацию поступающей нам информации (ср. ситуацию середины XX века, когда информация поступала в основном по радио, через газеты / журналы и книги, не говоря уже о «сарафанном радио», и начала века XXI, когда основными носителями и каналами информации стали телевидение, видео и Интернет, а газеты и журналы значительно изменили свой формат). Хорошо это или плохо? Понятно, что визуальная информация быстрее достигает «своей цели» – сознания того, кто ее воспринимает. Это уже давно доказанный психологами факт.

Напомню, что еще во второй половине прошлого века проводились серии экспериментов, которые доказали следующее: если испытуемому приходится одновременно воспринимать два вербальных текста (устный и письменный), то либо один исчезает из памяти (доминирует только один текст), либо ни один не сохраняется в памяти (при старательном желании запомнить оба текста). (Кстати, как говорят специалисты по НЛП, если человеку в наушники давать разные тексты, т. е. в правый наушник один текст, а в левый – другой, то человек впадает в состояние транса.) Психологи дают следующее объяснение: участки коры, отвечающие за зрительное и слуховое восприятие, работают нормально, но информация поступает в один общий центр семантической обработки. В результате происходит интерференция мозгового декодирования

сигналов одной и той же речевой природы. Но! Если испытуемым предлагаются текст в вербальном «исполнении» и текст в виде серии картинок, то ии. не испытывают затруднений в воспроизведении обоих текстов.

Экспериментально (sic!) доказано, что образное содержание рисунков практически не надо перекодировать в аппарате мозга, а вербальный текст надо расшифровывать в центре обработки смыслов, и пока он декодируется, рисунок уже бывает усвоен. Таким образом, мы должны признать, что для восприятия и понимания информации визуального характера требуется меньше времени и усилий.

Казалось бы, это очень и очень неплохо в нашем мире все возрастающих объемов информации, предназначенной для восприятия каждым из нас: мы тратим меньше времени на «прием» большего объема информации за один и тот же промежуток времени и при этом затрачиваем значительно меньше интеллектуальных усилий. Но в этом-то и кроется страшная ловушка! Вспомним, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Вот в такую мышеловку человек сам себя и загоняет. В чем тут проблема? Дело в том, что, отучаясь воспринимать вербальную информацию и, следовательно, «разучаясь» ее декодировать, мы *теряем способность критически ее осмысливать*. Это, если угодно, как атрофирование мышц при отсутствии физической нагрузки.

Таким образом, *снижается порог критичности* при восприятии информации, и человек оказывается *менее защищенным* от воздействия со стороны – внушения и манипулирования.

Следует отметить, что тенденции к визуализации воспринимаемой информации характерны не только для нашей страны. Правильнее было бы сказать, что здесь мы пока еще «отстаем», что в данном случае, пожалуй, совсем неплохо. И это «отставание», которое правильнее было бы все-таки назвать сохранением «человеческого фактора в восприятии», обуславливается, вероятно, тем, что русская культура всегда была логоцентричной, текстоцентричной. Для русской культуры слово всегда было крайне важным. Более того, *слово* воспринималось как *дело*. *Сказать* – значит *сделать*. Однако в последнее время ситуация меняется. Мы оказались подвержены общим процессам, ведущим к визуализации воспринимаемой информации, которые носят безусловно глобальный характер. К чему приведут указанные процессы, мы с вами можем видеть на примере современного, как принято говорить, «западного» общества. При всех «плюсах» наблюдаемого там (и в повседневной жизни, и в научной сфере) нельзя не заметить и определенных тенденций, которые едва ли можно назвать положительными. Например, снижение общего образовательного уровня. Например, недавно в Англии был проведен соцопрос, который показал, что половина респондентов считают, что Шекспир – это средневековый английский король, а кто такой Милн, не знал практически никто из опрошенных.

«Шекспир из династии Вини Пухов»

Больше половины британцев считают прославленного поэта королем

Большая часть британцев уверена, что Уильям Шекспир был... королем Англии. Об этом свидетельствуют результаты проведенного на днях опроса. Власти страны насторожились: самое время всерьез задуматься о новых методах образования.

Согласно анкетированию, в котором приняли участие 3000 взрослых жителей Великобритании, большая часть британцев не знает, что Уильям Шекспир писал пьесы. Его зачастую считают одним из английских монархов, правивших в Средние века. Знания британцев относительно других литературных классиков их отечества также достаточно скудны. Так, около 25% впервые узнали о том, что Джон Китс – известный английский поэт. До этого они свято верили, что приведенные в анкете стихи принадлежат вовсе не ему, а... Робби Уильямсу.

Так же жестоко массовая культура обошлась и с другой великой поэтессой Великобритании – Сильвией Плат. В графе, где нужно было отметить, кем она является, многие британцы поставили галочку напротив ответа, гласившего: «Солистка группы Black Eyed Peas». А вот автора известной детской книжки про Винни Пуха две трети

опрошенных и вовсе не признали: их удивлению не было предела, когда организаторы теста сообщали им, что Алан Александр Милн был писателем.

Инга Кумскова, МК, 29.03.2008.

ссылка на статью: <http://www.mk.ru/blogs/MK/2008/03/29/abroad/345962/>

Что касается нашего образования (как среднего, так и высшего), то в последние годы раздается все больше критики в его адрес (в основном с подачи тех, кто изначально стоит на иных образовательных позициях), сводящейся к тому, что оно не дает достаточных практических навыков к выполнению того или иного рода работ, к осуществлению той или иной конкретной деятельности. Наше образование обвиняют в том, что российский выпускник не может, скажем, сразу правильно подключить какой-то аппарат. Но при этом никто не говорит, что российский выпускник (особенно прежних лет) *способен самостоятельно решить проблему*, как можно подключить не только этот конкретный аппарат, но и другие, которые он до этого в глаза не видел. Это, кстати, хорошо понимают многие иностранные работодатели – представители крупных компаний, которые зачастую приглашают на работу именно отечественных специалистов (вспомните хотя бы знаменитую Селиконовую долину, где, как говорят очевидцы, вторым – если не первым – рабочим языком является русский). Никогда не задумывались почему? И еще один любопытный факт: руководство «Боинга» обратилось к России с просьбой не вводить ЕГЭ (как тестовую форму контроля), поскольку данные проведенного ими исследования показали, что инженеры их компании, обучавшиеся по «тестовым методикам», не в состоянии принять *ни одного* самостоятельного решения, в отличие от тех, кто получал образование, построенное на принципиально иных основаниях (например, в Советском Союзе и в России вплоть до недавнего времени).

Приведу только несколько ссылок, где можно найти упоминание этого и других фактов, связанных с оценкой нашего образования этой крупнейшей компанией мира.

ЕГЭ вредит здоровью

Заслуженный учитель России раскрыл все недостатки Единого госэкзамена

Эксперименты закончились – с начала следующего года Единый государственный экзамен входит в штатный режим. О плюсах и минусах введения ЕГЭ много говорилось на страницах «МК», и с каждым разом все больше казалось, что у чиновников – своя правда, а у школьников, родителей – своя. Узаконивая ЕГЭ, забыли спросить согласия непосредственных участников экзаменационного процесса, объяснил корреспонденту «МК» заслуженный учитель России, преподаватель истории в школе № 888 Григорий Плоткин, и согласился высказать свою точку зрения. По его мнению, обсуждая Единый госэкзамен, нужно подумать о нескольких вопросах.

<...>

Директор Московского центра непрерывного образования Иван Яценко, выступая на «круглом столе» в Государственной думе «ЕГЭ: заявленные цели и ожидаемые последствия», озвучил слова вице-президента компании «Боинг», обращенные к нашим соотечественникам: «Мы сейчас проанализировали... инженеров: те, кого учили по тестовой системе, ничего не могут создать... не перенимайте, ради Бога, эту систему».

Ульяна Урбан. МК, 17.09.2008.

ссылка на статью: <http://www.mk.ru/blogs/MK/2008/09/17/society/371146/>

ТАК ЧТО ЖЕ ЖДЕТ РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ?

За последний месяц состоялось, наверное, рекордное число обсуждений предстоящей реформы образования – на различных слушаниях, заседаниях, конференциях, а также в СМИ (обзоры в НВС № 46 и 48). 9 декабря министр А. Фурсенко доложил об этой реформе на заседании Правительства (пресс-релиз с заседания – в этом номере НВС). О неубывающем разбросе мнений – этот обзор.

Наталья Притвиц

На заседании Правительства против повсеместного введения Единого государственного экзамена как меры для обеспечения доступности высшего образования высказался М. Садовничий. «Мы нанесем вред тем детям, – отметил он, – которые продвинуты в какой-то отдельной области – литературе, математике – победителям различных олимпиад и конкурсов». (Здесь можно напомнить, как недавно российский ученый-математик Арнольд в передаче по телеканалу «Культура» высмеивал абсурдность призывов «догнать и перегнать Америку», во всем ориентироваться на западную систему образования, в том числе на систему тестирования. «Красноречивый факт: самолетостроительная компания „Боинг“ не берет на работу выпускников американских вузов – им подавай нормальных инженеров, подготовленных в России или Восточной Европе!» (РГ 10.12).

ссылка на статью: <http://www-sbras.nsc.ru/HBC/2004/n50/f28.html>

О том же см.: «Стрижка "под ЕГЭ". Учителя против обезличивания российского образования»:

<http://www.hse.ru/pressa2002/?show=8703&selected=&PHPSESSID=23bbec804dde32b6d433771ecfc01852>; http://www.moscow-faq.ru/all_question/science/2008/May/6480/18662

Американская компания «Боинг» учредила <...> стипендии студентам гражданских авиационно-космических специальностей, обучающимся в вузах РФ и стран СНГ, с целью улучшения связей с российским университетским сообществом в области авиации и космоса.

ссылка на статью: http://lomonosovtown.narod.ru/news/page_8.html

И, наконец, еще одна ссылка. Она большая. Я позволила себе привести эту статью почти целиком, т. к. она показалась мне крайне важной в свете нашего разговора.

14.04.2008 | Почему «Боинг» поддерживает российских математиков

Американцы оказывают поддержку Московскому центру непрерывного математического образования уже в четвертый раз: общая сумма составила сто тысяч долларов. Естественно, сразу возникает вопрос: зачем им это нужно?

На этой неделе вице-президент корпорации «Боинг» Ричард Стивенс вручил чек на двадцать пять тысяч долларов Московскому центру непрерывного математического образования. Центр существует уже двенадцать лет и способствует развитию математического образования в России и за рубежом. Он сохраняет славные традиции фундаментального математического образования, пытаясь таким образом противостоять тем революционным новшествам (а именно – американизации), которые это образование разрушают. Парадоксально, но получается, что, помогая Московскому центру, «Боинг» борется с американизацией.

Американцы оказывают поддержку Московскому центру непрерывного математического образования уже в четвертый раз: общая сумма составила сто тысяч долларов. Естественно, сразу возникает вопрос: зачем им это нужно?

Дело в том, что «Боинг» постоянно набирает по всему миру множество высококвалифицированных рабочих, инженеров, ученых с очень хорошим образованием. Так вот, в процессе этого набора американцы отметили общее падение уровня образования в мире. А так как около полутора тысяч российских инженеров работают сегодня по программам сотрудничества с компанией «Боинг» (она уже пятнадцать лет в России), корпорация, согласно «теории разумного эгоизма», оказалась заинтересованной в поддержке высокого уровня нашего математического образования.

<...>

Падение математического образования американцы ощутили на себе: у них уже много лет обучение и проверка полученных знаний проходят с помощью тестов. Поскольку, как известно, наша школа выбрала для себя американскую модель оценки знаний учеников (Единый госэкзамен – аналог американского единого теста SAT – Scholastic Assessment Test), которая критикуется всеми серьезными учеными (в том

числе американскими), обозревателю «Русского журнала» было интересно спросить у Ричарда Стивенса, как он относится к таким переменам в нашем образовании. Не будут ли они способствовать его деградации?

Вопрос звучал так: «Российское математическое образование славится своей фундаментальностью и качеством. Сейчас мы переходим на тестовую систему оценки знаний. Я имею в виду ЕГЭ. Его американский аналог – SAT. Многие специалисты считают, что такой переход приведет к краху российского образования в целом, поскольку изменится сама методика преподавания математики в школе. Насколько, по вашему мнению, велика такая опасность?»

Ответ был абсолютно однозначным. «Это очень важный вопрос, – сказал Ричард Стивенс. – Я даже писал по этому поводу в своей книге. Есть большая разница между тем, что называется *передачей знаний и применением* этих знаний для *решения новых задач*. С помощью Единого теста (у нас – ЕГЭ. – *Н.И.-Г.*) можно на большом количестве людей проверить, действительно ли им передали какие-то знания. Но при этом вы никогда не сможете быть уверены в том, что эти люди достаточно *оснащены* знаниями и инструментарием для того, чтобы решать *новые концептуальные задачи*.

Мы посмотрели на наших сотрудников – на тех, у кого есть *masters degree* или степень бакалавра, и попытались оценить, как качество их работы связано с той учебной программой, которая у них была в процессе учебы. И обнаружили: те студенты, которые получали фундаментальные знания (изучали различные концепции и потом применяли их на практике), придя к нам, достигали гораздо больших успехов, чем те, кто просто учился по тестам в традиционной школе».

Иван Яценко, руководитель Московского центра непрерывного математического образования, признался, что ему очень понравился подход одного из первых руководителей крупнейшей мировой компании: «Ричард Стивенс фактически сказал, что образование – это фундамент всего. Причем образование настоящее. То, которое есть в России и которое меряется неправильно отмеченными галочками в клеточках, а именно умением содержательно решать поставленные задачи. И если у тебя хороший результат теста SAT, это не означает, что ты будешь успешным инженером. SAT меряет совершенно другое.

Проблема образования Америки как раз и заключается в том, что у них все меряется этим тестом. Профессор университета в Техасе Александр Буфетов сегодня рассказывал нам, что его американские студенты только на первом курсе узнают, что такое “доказательство”. Потому что их в школе не учат приводить аргументы и что-то доказывать.

Мы надеемся, что, несмотря на введение ЕГЭ, наше государство осознает: реформы образования, которые происходят сегодня в России, идут вразрез с направлением развития всей страны и противоречат формированию высокотехнологичного производства. Нужно помнить: те ребята, которые сейчас поступают в первый класс, через десять лет закончат школу. А те, кто сегодня заканчивают школу, через десять лет будут определять лицо нашей науки и индустрии. И лицо это определяется не только генеральным конструктором, но и большим числом высококвалифицированных инженеров и научных сотрудников среднего звена. Если мы будем “измерять” их знания с помощью тестов, ничего не получится. Нужно, чтобы измерители качества образования определяли то, что действительно нужно стране».

<...>

P.S. По мнению профессора филологии Джорджтаунского университета (Вашингтон) Ольги Меерсон, которая имеет дело с выпускниками школ, тесты с выбором ответа подавляют нестандартное мышление. Это касается не только математиков, но и филологов. Главная проблема стандартных экзаменов (по принципу «выбери правильный ответ» – *multiple choice*) в том, что на один вопрос всегда «должен быть» *только один* правильный ответ. В итоге мало-мальски задумывающийся экзаменуемый чувствует себя полным идиотом, и иногда это впечатление остается у него на годы.

Во-вторых, в случаях, когда возможно несколько ответов (по принципу «смотря о чем речь»), у экзаменуемого активно отшибается желание, а как следствие, и *способность* смотреть на проблему с *нескольких точек зрения*. Этот аспект автоматически

отсеивает в категорию идиотов, не умеющих «даже» сдать стандартный экзамен, людей типа Сезанна, Эйнштейна и Флоренского.

«Еще одна проблема в том, – сказала нам американский профессор, – что стандартным способом можно прокрутить намного больше народу, чем вникая. Но тогда и уровень образования будет соответствующим. В США он падает катастрофически. Я, конечно, согласна с тем, что учиться в университете должны все, а не одни Эйнштейны, но зачем же так активно давить всякое проявление не только гения, но и любого хоть сколько-нибудь нестандартного мышления?»

ссылка на статью: <http://karierist.ru/article/pochemu-boing-podderzhivaet-rossijskih-matematikov/>

Так вот, наша школа в недалеком прошлом была способна обучить школьника *самостоятельно* искать и находить *различные* способы решения *различных* задач. Современная же школа натаскивает школьников лишь на то, как включается конкретная кнопка, – и все!

А ведь подобный подход к обучению провоцирует «нелюбопытство» обучаемого, обуславливает его неспособность задавать дополнительные вопросы, обнаруживать побочные проблемы, искать и находить дополнительную информацию, а не только «от сих до сих», как «задавали», оправдывает и – если угодно – поощряет нежелание и в конечном счете неспособность искать и находить собственные ответы, которые (нежелание и неспособность) прямо вытекают из привычки выбирать из предложенных вариантов, и т. п. Все это ведет опять же к *снижению критичности восприятия* получаемой информации и все к той же *большей подверженности манипуляциям* со стороны.

И еще одна проблема, связанная с обсуждаемыми вопросами. Это медиализация бытия. Представляется, что медиализация самым непосредственным образом связана с размыванием / стиранием фигуры автора, с одной стороны, и фигуры читателя / слушателя (адресата, а лучше – реципиента) – с другой. Мы живем, если воспользоваться метким выражением С. Московичи, в «век толп», где человек перестает быть личностью и становится «человеком-массой», где исчезают «за ненадобностью» личностные черты и на первый план выходят свойства, характеристики и законы толпы.

Подумайте, кто автор современной массовой литературы? Вы знаете, кто автор конкретного произведения? Вы уверены, что именно он / она его создали? Что это реальный человек-автор-писатель, а не ПИП (персонифицированный издательский проект)? А кто автор фильмов? А кто автор – еще более сложный вопрос – телепередач? Неужели то «чудо природы», которое открывает рот и вещает с экрана? Вряд ли...

Кстати, с проблемой отсутствия «индивидуального авторства» европейская культура сталкивается не впервые, хотя причины такового до эпохи книгопечатания были принципиально иными (см., напр., [Маклюэн 2005: 235-239]).

А кто воспринимает то, что предлагается для «поглощения»? Конкретный человек с его привычками, страстями и пристрастиями? Нет. Скорее, некая «целевая аудитория», т. е. все та же толпа (по Московичи).

И вот здесь мы опять-таки сталкиваемся с проблемами, общими для всего современного человечества. Мы наблюдаем стирание граней и размывание культурных различий в подаче информации: посмотрите хотя бы современную рекламу крупных компаний, многие новостные программы, сделанные по единым образцам, некоторые «международные» издания (например, “News Week”), многие сайты Интернета и т. д. При этом происходит нивелирование, а подчас и игнорирование, и забвение того, что существуют национально-культурные особенности как в подаче информации, так и в ее восприятии. И если первые можно осознанно игнорировать (к каким результатам это приводит – разговор особый), то вот со вторыми ничего до поры до времени поделать нельзя, поскольку при восприятии *обязательно «работает» культурный компонент*. Почему «до поры до времени»? Дело в том, что, если что-то изначально чуждо той или иной культуре,

то это «что-то» будет восприниматься со знаком «минус», ибо *чуждое* никогда не бывает «хорошим». При этом «чуждое» не может стать «своим» в одночасье, на это нужно время. Но если постоянно повторять / воспроизводить одно и то же (в данном случае «чуждое»), то со временем *порог чувствительности* начнет *снижаться*: то, что ранее вызывало невероятное раздражение и отторжение, перестает быть столь сильным раздражающим фактором, а со временем – вообще перестает замечаться старшим поколением. Молодое же поколение, выросшее с тем, что было «чуждым» для предшественников, воспринимает это уже как «свое». Вот вам и один из аспектов проблемы межкультурной коммуникации, естественной в условиях полифонии: *граница* начинает проходить *не между разными этническими культурами, а внутри одной культуры между поколениями*.

Кстати, это не ново. Вспомним, например, идеи, которые высказывал в связи с переводом Фридрих Даниэль Шлейермахер в лекции «О различных методах перевода», прочитанной 24 июня 1813 г. в Королевской Академии Наук в Берлине. В частности, он говорил о том, что не только диалекты одного и того же языка и его различные исторические стадии представляют собой в строгом смысле слова разные языки и, следовательно, могут требовать перевода, но даже и современники, принадлежащие к различным общественным классам одного и того же народа, часто столь отличаются друг от друга, что взаимопонимание между ними достигается лишь благодаря чьему-либо посредничеству. Более того, даже разговор с равным собеседником, если последний придерживается иного образа мыслей, не может обойтись без своеобразного перевода. Аналогично обстоит дело с толкованием того или много труда, идеи и т. д. (подробнее см.: [Нелюбин, Хухуни 2006: 134-138]).

В связи с нашим разговором я хочу обратиться к недавно вышедшей книге М. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва», где автор пишет (позволю себе весьма пространную цитату): «Если произвести мыслительный эксперимент и перенести молодого человека третьего тысячелетия в семидесятые годы прошлого века и, наоборот, перенести обычного человека из семидесятых в сегодня, минуя перестройку и дальнейшие события, мы получим интересный результат. У каждого из них возникнут серьезные языковые проблемы. Это не значит, что они совсем не поймут язык другого времени, но по крайней мере некоторые слова и выражения будут непонятны. Более того, общение человека из семидесятых годов с человеком третьего тысячелетия вполне *могло бы закончиться коммуникативным провалом* не только из-за простого непонимания слов, но *и из-за несовместимости языкового поведения*. Этот мыслительный эксперимент становится вполне реальным, когда, например, современные студенты читают советские газеты или смотрят советские фильмы. Кажется, что в обратную сторону реализовать эксперимент сложнее. Однако возвращаются в Россию советские эмигранты, люди из семидесятых, и недоуменно застывают, видя, как мы общаемся. Они помнят другие речевые клише, другой речевой этикет и, наконец, следуют другим правилам речевого поведения, соблюдают другие речевые запреты. Но *языковой разрыв существует* не только между уехавшими и оставшимися (в конце концов, они редко встречаются), *но и между старыми и молодыми, между живущими в сети или в реале. Короче, он есть и здесь между нами, в России*» [Кронгауз 2007: 106-107] (выделено мною. – В.К.).

Почему мы говорим в данном случае о своего рода межкультурной коммуникации? Ведь вроде как речь идет о «языковом разрыве». Но ведь язык без культуры немислим, равно как и культура не может существовать без языка, естественного человеческого языка, о чем писал еще, например, Э. Сепир (см. [Сепир 1993: 42, 185, 193-194, 226 и др.]). Как же все это совместить: язык, культуру и процессы, происходящие в современном мире? Особенно если вспомнить, что едва ли не основным таким процессом, о котором сегодня не говорит только ленивый, является некий страшный зверь, называемый не менее «страшным» словом «глобализация».

Применительно к нашему разговору глобализация предстает как порождающий фактор двух взаимоисключающих тенденций: с одной стороны, идет формирование «общечеловеческого» языка и «общечеловеческого» культурного контекста и, следовательно, усредненного *Homo sapiens* вне конкретной культурно-языковой принадлежности, но с другой стороны, мы наблюдаем явное стремление к сохранению собственного языка и культуры и к росту национально-культурного самосознания. И если первое всячески пропагандируется различного рода и уровня чиновниками как минимум внутри общеевропейского сообщества, то второе само по себе существует и крепнет, ибо культуру, в которой формируется человек как личность, выступающий и ее творением, и ее творцом, культуру, которая существует не только вне и вокруг человека как естественная среда его физического и духовного бытия, но и внутри него как основа его бытия в мире, еще никто не отменял.

Культурная принадлежность каждого человека – это то, что сопровождает его всю жизнь: если человек социализовался в условиях русской культуры, русского языка и русской лингвокультуры, то он останется русским до конца своих дней (это доказывают многочисленные примеры из жизни эмигрантов). Даже еврочиновники (почему даже? потому, что, во-первых, речь идет о европейской общности и, если угодно, европейском «культурном союзе», а во-вторых, именно они ратуют за некую «монолитность» народов Европы), так вот, даже еврочиновники признают, что у них существуют огромные проблемы в общении и при переводе даже «терминологизированных» (юридических, экономических, политических, дипломатических) текстов, поскольку в разных языках (а значит, и в лингвокультурах и культурах) за, казалось бы, одними и теми же словами (даже терминами – sic!) стоят разные ассоциативные поля, которые делают восприятие одного и того же текста представителями разных культур и носителями разных языков не столь однозначным, как того требуют условия функционирования данных текстов (об этом, в частности, говорилось на крупнейшем Пекинском форуме 2007 года, в котором принимали участие, в том числе, и чиновники высокого ранга, работающие в различных структурах Евросоюза; см., напр., материалы: Beijing Forum 2007, Collection of Papers and Abstracts, Language Identity and Language Change in Collision and Dialog Between Civilizations. Beijing, 2007). Мне могут возразить, что это связано с языком. Да, безусловно. Но ведь язык не существует сам по себе, как «вещь в себе и для себя», он всегда связан с культурой. И за знаками языка всегда стоят знаки «языка культуры». По сути, *МЫ ВСЕГДА ОКАЗЫВАЕМСЯ НА ПОЛЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ, ЕСЛИ ГОВОРИМ НА КАКОМ-ЛИБО ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ*. Конечно, если бы можно было общаться на некоем искусственном языке, не связанном ни с какой культурой, на своего рода «дистиллированной» *lingua franka*, то тогда, возможно, было бы гораздо меньше проблем. Но все равно: *Homo Loquens*, на каком бы языке он в данный момент не говорил: на родном, на иностранном, который он хорошо знает, или на искусственном (типа эсперанто) и даже вымышленном (типа языка эльфов Толкиена), – всегда остается *Homo litteratus et symbolicus*, т. е. представителем своей родной культуры, в которой он социализовался и стал личностью.

Следовательно, в наши дни мы наблюдаем совершенно очевидную проблематизацию «национального» в современных условиях и как факт бытия, и как новый объект исследований. И если не уделять этому должного внимания и не быть особенно аккуратным и, если угодно, профессиональным в данных вопросах, но это может привести к необратимым и весьма печальным, а то и трагическим последствиям. Давайте вспомним события последних лет в тех же европейских странах – начиная с убийства нидерландского кинематографиста ван Гога и скандала с карикатурами, где фигурировали исламские пророки, и заканчивая уличными войнами во Франции и Германии. Да что там далеко ходить: вспомните положение русского языка в бывших республиках СССР. Вспомните, наконец, Кондапогу. Можно, конечно, сказать, что это рост национализма. Но ведь национализм – это идеология. А что лежит в основе?

И еще несколько размышлений в связи с языковой и культурной полифонией, которая превращает сегодня практически любое общение в акт межкультурной коммуникации.

Не могу не заметить, что, к сожалению, в подавляющем большинстве случаев, когда речь заходит о межкультурной коммуникации, крайне редко говорят о межкультурной коммуникации, которая реально имеет место внутри страны, где есть некая общая («титильная» – ?) культура: например, общение карела и аварца, якута и ненца, чеченца и ингуша, удмурта и бурята. Разве это не межкультурная коммуникация? Даже при том, что язык общения в данном случае скорее всего будет русским, и более того – русский язык, русская культура и русская лингвокультура, если и не являются вторыми родными для участников такой вполне реальной ситуации общения, то как минимум им знакомы. Или общение людей, родившихся и социализовавшихся в условиях других национально-культурных образований (Таджикистана, Молдавии и под.), но живущих ныне на территории России и зачастую являющихся ее гражданами (в данном случае речь не идет о представителях разнообразных диаспор, давно живущих в России, ибо там несколько иная картина). Разве это не межкультурная коммуникация, причем в своем «чистом», так сказать, виде?

Иначе говоря, рассуждая о межкультурной коммуникации, мы, как правило, устремляем своей взгляд не внутрь, а вовне национально-культурных образований. Думается, это не случайно и весьма симптоматично. Дело в том, что в современном мире очень многие этносы объединены и включены в более сложные и крупные образования – нации, которые строятся сегодня не только и не столько на этнических основаниях, сколько на географических, экономических, политических, идеологических и проч. (вопрос о том, что есть нация, в какую парадигму входит это понятие, в системе каких рядоположенных единиц должна рассматриваться и под., в данном случае оставим за скобками, ибо это – предмет отдельного и серьезного разговора, и не об этом сейчас идет речь).

В условиях изначально многоязычной, мультиэтнической и поликонфессиональной общности, живущей на определенной территории в определенных условиях (как природных, так и созданных человеком) складывается некое «суперэтническое» (в терминах Л.Н. Гумилева) сообщество, границы которого, как правило, определяются границами страны. Особо подчеркну, что в данном случае для нас принципиальное значение имеет именно *культурная / лингвокультурная составляющая* подобных сообществ, а не что-либо другое, не менее важное в принципе, но в рамках настоящего разговора остающееся далеко на периферии нашего внимания. Иначе говоря, в первую очередь нас интересует собственно лингво-культурный («языково-культурный») аспект разных вариантов «лингво-культурных союзов» и «объединений», которые мы рассматриваем на сугубо синхронном уровне, не касаясь вопросов, почему, как и когда сложилось то, что сложилось. О каких вариантах национально-лингво-культурных объединений представляется возможным говорить?

Например, объединение на паритетных, так сказать, началах, при отсутствии титульной нации, когда языки, культуры и лингвокультуры равны с точки зрения их места в общественной системе, сфер функционирования, обязательности, престижности и т. д. В целом такова ситуация, как представляется, например, в Швейцарии (четыре «равных» государственных языка: французский, немецкий, итальянский и рето-романский; разница в их общественном функционировании обуславливается исключительно числом их носителей) или Бельгии (три «равных» государственных языка: нидерландский – первый родной для фламандцев, французский – первый родной для валлонцев, и немецкий). Несколько иначе по целому ряду параметров, но в целом похоже обстоят дела, например, в Индии (два официальных языка: английский и хинди, и 15 конституционных). Подобного же рода объединение могло бы, вероятно, сложиться в Советском Союзе, хотя там были определенные отличия от общей «модели». С одной стороны, в СССР не было государственного языка (русский язык имел статус языка межнационального общения). С другой – в

СССР не было титульной нации, декларировалось равенство всех народов и народностей, проживающих на его территории, и провозглашалось, что сложилась «новая историческая общность – советский народ» (справедливости ради отмечу, что это именно декларировалось и провозглашалось, а не было реальностью, но не об этом сейчас речь). Интересно, что название и самоназвание представителей такого рода национально-культурных объединений при общении с «внешним миром», с партнером «извне» идет не по собственно этнической принадлежности, но по названию государственного образования, например: индийцы, швейцарцы, бельгийцы. Вспомним, кстати, Эркюля Пуаро: *Я не француз, я бельгиец* (не валлонец, а именно бельгиец – sic!); или «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого: *Но ты же советский человек!* (правда, надо сказать, что для иностранцев все советские люди были «русскими», по названию титульной – для России – нации, которой, как мы помним, официально в СССР не существовало).

Другого типа национально-лингво-культурное объединение базируется на языке, культуре и лингвокультуре титульной нации, которые, с одной стороны, не могли не испытывать на себе влияния языков, культур и лингвокультур различных этносов, входящих в данное объединение, и многое впитали в себя; с другой стороны, являются общими, престижными и в ряде случаев обязательными для всех представителей данного объединения. Представляется, что в целом такова ситуация, например, в России или Испании. При этом представителей такого рода национально-лингво-культурных сообществ зачастую называют по титульной нации, что не всегда нравится самим «называемым». Например, каталонец или баск может Вас поправить, если Вы назовете его испанцем. Что касается России, то, с одной стороны, многие представители русского национально-лингво-культурного сообщества, независимо от их этнической принадлежности, считают забавным, что представителей, например, кавказских или так называемых малых северных народов иностранцы называют русскими. (Подчеркну еще раз, что для русской культуры и для многих ее представителей важна именно *культурная*, а не этническая принадлежность того или иного человека. И в этом я вижу именно силу русской культуры!) С другой стороны, недавно придуманное слово «россияне» не слишком прижилось. Но как называть граждан такого государства, если их объединяет не только институт гражданства, но и нечто большее: язык, культура и лингвокультура, являющиеся для подавляющего большинства либо родными, либо вторыми родными, либо хорошо знакомыми? Тем более, что сейчас мы говорим *не об этнической* принадлежности, когда, по мнению этнографов, есть только один критерий – самоидентификация, но *о культурной* принадлежности, где не меньшее значение, чем *культурная самоидентификация*, имеет и *культурная идентификация*: взгляд со стороны сообщества, к которому человек себя причисляет, и определение данным сообществом места данного человека на шкале «свой – чужой».

Думается, что существующая сегодня языковая и культурная полифония, с одной стороны, способствует сохранению и трансляции последующим поколениям различных конкретных культур, с другой – зачастую приводит к разнообразным конфликтам. С одной стороны, обуславливает рост национально- и этнокультурного самосознания, с другой – провоцирует всплески национализма. И опять-таки мы приходим к тому, что данным вопросам должно уделяться максимально пристальное и профессиональное (sic!) внимание, уважительное и корректное по отношению ко всем участниками коммуникации.

И вот появилось еще одно слово, которое стало «модным» в разговорах о межкультурной коммуникации и полифонии – корректность, а точнее – политкорректность, которая является своего рода «планом выражения» еще одного «модного» в наши дни понятия – толерантности.

В силу этой безусловной для меня связи политкорректности и толерантности я позволю себе в дальнейших рассуждениях либо писать данные слова через косую черту, либо говорить о политкорректности, имея в виду, что за ней кроется толерантность. В других случаях, если это будет необходимо, я буду делать особые оговорки.

И еще одно принципиально важное для меня замечание. По моему глубокому убеждению, толерантность не может и не должна быть односторонней, она может и должна быть только обоюдной. В противном случае мы имеем подавление (внутреннее или внешнее) одной из сторон, спровоцированное историческими комплексами (в медицинском смысле). Как показывает опыт современной Европы, ничего хорошего из подавления комплексов выйти не может (впрочем, практикующим психологам, психиатрам и психоаналитикам этот медицинский факт давно и хорошо известен; хорошо бы, чтобы это стало очевидно и для политиков).

На мой взгляд, политкорректность является оборотной стороной медали: с одной стороны, национализм (как идеологически насаждаемый, так и «бытовой»), с другой – политкорректность (как культивируемая властью, так и «естественно-реактивная», «оппозиционная»). Казалось бы, все правильно и даже красиво. Но нет ли здесь определенной ловушки? Давайте задумаемся вот над чем: можно ли рассматривать национализм (не только как идеологию, некую идеологическую «обертку» ксенофобии, но и как совокупность проявлений нетерпимости к «иным») и политкорректность / толерантность как некие противоположности? Если да (а вероятно, это так и есть), можем ли мы, соответственно, говорить об оппозиции: национализм vs. политкорректность / толерантность? Думается, что да: если есть противоположности, то мы можем рассматривать их как определенную оппозицию. Далее, если у нас есть оппозиция, то она должна быть либо эквиполентной, либо привативной, так? Так. Следовательно, вопрос: данная оппозиция (национализм vs. политкорректность / толерантность) эквиполентна или привативна? Если привативна (национализм подразумевает политкорректность / толерантность как естественную реакцию на него, но не наоборот), то тогда проблем нет. А если эта оппозиция эквиполентна: не только национализм вызывает к жизни политкорректность и толерантность, но и наоборот, насаждаемая политкорректность провоцирует рост национализма?

У меня сегодня нет ответов на эти «проклятые вопросы». Хотя не могу не признать, что склоняюсь скорее ко второму варианту данной оппозиции, полагая, что неразумно и агрессивно навязываемые (как все, неразумно и агрессивно навязываемое) политкорректность и толерантность (не только в сфере межкультурных контактов, кстати) может привести к росту националистических (и шире – любых ксенофобских) проявлений.

Подобное навязывание напоминает мне известный исторический анекдот, когда учениц католической школы заставляли прослушивать слова, которые никогда и ни при каких обстоятельствах произносить нельзя.

И, кстати, из личного опыта: когда я училась в школе – это было в Москве в 70-х – начале 80-х годов, – мы не задумывались над тем, кто из нас русский, татарин, еврей... Для нас (по крайней мере – для подавляющего большинства; за всех говорить не берусь) этого вопроса просто *не существовало*. И думаю, не только потому, что мы тогда были детьми и подростками. Не в возрасте здесь дело («малы еще»), а в общей атмосфере и в общей установке, которые формируются в обществе (от семьи до государства в целом).

Хотя, конечно, мне могут возразить, что в национальных образованиях (округах, республиках) ситуация подчас была иной, но не надо забывать и тот факт, что Москва всегда была городом, в котором издавна жили представители разных народов и разных конфессий.

И здесь сразу возникает целый ряд вопросов, связанных с ситуацией в современной России. Политкорректность у нас – это хорошо это или плохо? Приветствуется? Приемлемо? Допустимо? В конце концов – она применима на русской почве? Я никоим образом не хочу сказать, что исторически в России всегда «творилось благолепие» и никогда не было конфликтов с «инородцами». Отнюдь! Но вместе с тем, я думаю, мы не можем не признать, что *русская культура в целом* (не отдельные ее представители – в семье, как известно, не без уroda) была и остается – в силу своей истории, широчайшей базы, на которой она выросла, в силу своей мощи, в конце концов – терпимой и уважитель-

ной ко всем. И в этом сила и историческая перспектива русской культуры. Конечно, меня могут обвинить в прекраснотушии (в отношении прошлого и настоящего) и маниловщине (относительно будущего). Но мое святое убеждение: опасность для культуры, языка, лингвокультуры, если и существует, то она *не ВНЕ, а В нас самих*, ибо мы – «носители» и «представители», и мы и только мы отвечаем за то, что имеем, что получили от наших предков. И если мы не в состоянии сохранить то, что имеем, и передать тем, кто идет вслед за нами, то грош нам цена. И никакие мы в таком случае не представители русской культуры. И «неча на зеркало пенять»... Но если мы готовы и можем сохранить и передать то, что имеем, если у нас есть желание и силы для этого, то никакой «страшный чужой дядя» ничего сделать не сможет.

Но, повторяю, вопросы не просто остаются – они множатся с каждым новым ответом. И не случайно изучение «национального» в свете современных дискурсных исследований приобрело в конце XX в. такую актуальность, особенно в связи с «излюбленными» в дискурс-анализе понятиями «власть», «идеология», «истина» (см. работы Л. Альтюссера, М. Фуко и их последователей).

Вероятно, этнокультурная / национально культурная специфика некоторым образом «предопределяет» *власть*. Но с другой стороны, именно власть играет на национальном, вытаскивая национальные вопросы и саму проблему «национального» как джокер из рукава, когда это необходимо, и пряча все это туда же, когда разговоры на эти темы становятся для самой власти нежелательными. И конечно, именно власть создает «национальный миф» (в философском понимании этого термина). Формирует *образы «своего»*, создавая и/или культивируя *образ положительного героя* (умного, доброго, патриотически настроенного, «беспощадного к врагам рейха», милосердного к «нищим и убогим» и т. д. и т. п.; нужно подчеркнуть), и *«чужого»*, создавая *образ врага*, внутреннего или внешнего (в зависимости от конкретной ситуации и конкретной потребности самой власти). Вспомним хотя бы советский период: книги, фильмы (см., например, интереснейшую книгу А. Прохорова [Прохоров 2007]). Или более близкий нам по времени пример – «олигарх»: вспомните, как менялось общественное мнение, формируемое, конечно же, властью (см. интереснейшие наблюдения и рассуждения об этом немецкого исследователя Якоба Фрухтмана). Правда, вот с положительным героем в последнее время – дело не очень клеится...

Одним из основных инструментов, которые использует власть, – *идеология*. Она есть везде и всегда, где и когда существует государство или – как минимум – институализированная власть. Поэтому в самой идеологии ничего страшного нет. Другое дело – о какой идеологии идет речь, с каким содержанием. «Пощупать» идеологию можно через *дискурс* и через понятие «*истины*» (отсылаю опять-таки к работам М. Фуко).

В конце концов, власть через идеологию, через дискурс, через апеллирование к истине создает *национальный комплекс как национальный миф* (в данном случае «комплекс» – это целостное образование, а не медицинский диагноз). «Источники» и «проводники» национального мифа: наука, власть, идеология, медиа. Что касается науки, то посмотрите, например, что творится на Украине с национальной историей. Или как позиционируют себя некоторые современные молодые белорусы (они – «западное сообщество»; см. статью И.А. Бубновой в настоящей книге). Или вспомните завершение Второй мировой войны с точки зрения американцев.

Вот как, например, в романе «Интриганка» описывает конец Второй мировой войны (открытие второго фронта и атомную бомбардировку Японии) С. Шелдон: «*В Европе союзники одерживали одну победу за другой. 6 июня 1944 года американские, британские и канадские войска высадились на побережье Нормандии, а через год, 7 мая 1945 года, Германия подписала безоговорочную капитуляцию. 6 августа 1945 года на японский город Хиросима была сброшена атомная бомба. Через три дня другая атомная бомба разрушила Нагасаки. 14 августа Япония капитулировала. Изнурительная и кровавая война закончилась.*»

Достаточно типичное, думается, представление американцев об исходе Второй мировой сводится к тому, что, во-первых, войну выиграла коалиция союзников – американцы (они, разумеется, на первом месте в списке), британцы и канадцы, при этом напрочь отсутствует какое бы то ни было упоминание Советской армии; во-вторых, бомбардировка Японии оказалась «удачным» ходом, который позволил быстро сломить сопротивление противника и спас жизни многих солдат. Или – уже в наши дни – что делают американцы и их союзники в Ираке? Вспомните в связи с этим нашим разговором прекрасный американский фильм (по-моему, 1997-го года, т. е. еще до скандала под названием «Моника-гейт», до «иракской» войны!) “*Wag the Dog*” (в русском прокате он шел под двумя названиями: калькированным с английского – «Хвост виляет собакой» – и маловразумительным «Прохвосты») с Р. Де Ниро и Д. Хоффманом в главных ролях.

Коротко напомним содержание. Для того чтобы замять скандал с юной особой (girl-scout), случившийся в Овальном кабинете Белого дома за две недели до переизбрания действующего президента, президентская команда прибегает к помощи некоего загадочного персонажа (Р. Де Ниро), который с помощью известного голливудского продюсера (Д. Хоффман) «создает» виртуальную войну с Албанией. Задействовано для этого все: и кадры, на которых разрушенные деревни, и бегущие дети, спасающие себя и своих домашних любимцев, и сообщения об албанских террористах с маленькой атомной бомбой в чемоданчике, и фотографии американского солдата, попавшего в плен, героически из него бежавшего и ставшего национальным героем, и даже случайно нашедшаяся в недрах музыкального архива запись некогда популярной, но уже давно забытой песни о старом башмаке (old shoe хорошо рифмуется с фамилией нового национального героя – Шуман)...

Там есть все. Кроме одного – правды. Все: от первого до последнего слова об этой войне, от первого до последнего кадра, от первой до последней ноты песни – все это выдумано и сделано (в прямом смысле слова – на телестудии) политтехнологом и продюсером... Спасаящаяся албанская девушка с кошкой на руках – на самом деле незаконная иммигрантка, которую пригласили сыграть соответствующую роль на фоне голубого экрана с мешком корма для животных в руках (ну не мучиться же с настоящей, живой кошкой, тем более что к этому моменту еще не было окончательно решено, какого размера и окраса киска будет лучше смотреться на фоне дымящихся развалин деревни; да и сами развалины еще не были выбраны из архивов). Герой – реальный человек с нужной фамилией, которого нашли для этой роли, – оказывается на самом деле заключенным спецтюрьмы для особо опасных психически больных преступников. Старая песня сочиняется и записывается тут же, а потом ее запись старится и переносится на старый винил...

Но все это знают только «творцы», и война становится реальностью для всех остальных. Да, почему Албания? Приведу маленький диалог политтехнолога с главной помощницей президента, которая задает тот же вопрос (привожу один из вариантов перевода, шедших у нас в прокате): «– А почему Албания? – А что ты знаешь об Албании? – Ничего... – Ну вот видишь. Скрытные они какие-то...»

Правда, заканчивается все печально. Выборы выиграны, и продюсер решает заявить, что именно он (а не авторы бездарного предвыборного ролика, о чем все говорят) способствовал победе, создав лучший в своей жизни проект. Но созданная им виртуальная реальность уже стала частью реальной действительности. И раскрыть тайну – это значит уничтожить эту, новую, но вполне реальную, действительность. И действительность останавливает продюсера – своего создателя и потенциального разрушителя, останавливает ценой его жизни.

Но вернемся от примеров к общим вопросам. Совершенно очевидно, что рассуждать о национальном и не говорить о *культуре* представляется не совсем корректным.

Возникает «простенький» такой вопрос: а что такое культура? В современной гуманитарной науке *культура* понимается скорее как *дискурсивное образование* и как результат взаимодействия разнонаправленных процессов. Что же это за разнонаправленные процессы и каковы факторы, предопределяющие то или иное «лицо» той или иной культуры? Думается, что они могут быть представлены следующим образом:

- 1) межпоколенная трансляция культурных традиций и предпочтений;
- 2) социальное навязывание – в качестве обязательных – оценок и представлений;
- 3) идеологическое принуждение к принятию определенных моделей и к соответствию и следованию данным моделям (в том числе и поведенческим), санкционированным обществом и рассматриваемым в качестве образцовых.

Почему эти факторы разнонаправлены? Вспомните опять же (по литературным произведениям, историческим источникам, рассказам своих родных, в конце концов), что происходило в России после 1917 года, когда культурные традиции и предпочтения вступали в явное противоречие с навязываемыми в качестве обязательных оценками и моделями поведения. Приведу всего один пример, но, по-моему, вполне показательный в силу своей яркости и очевидности: *Павлик Морозов*. В данном случае «схлестнулись»: 1. традиции исконного семейного уклада жизни; 2. одобряемые и навязываемые в качестве обязательных модели поведения – отказ от родных (особенно если они «идеологически чужды»); 3. оценки подобного поведения: с одной стороны, опирающиеся на традиционные представления (оценки сугубо отрицательные), с другой – навязываемые новой идеологией (оценки сугубо положительные; Павлик Морозов – пионер-герой, на примере поступка которого воспитывались поколения советских школьников, ибо данный поступок рассматривался как подвиг юного героя).

Но вернемся к пониманию культуры как таковой. Я позволю себе даже не упоминать различные подходы к изучению культуры и разнообразные толкования, даваемые данному феномену в научных, научно-популярных, околонучных и квазинаучных штудиях (во-первых, это заняло бы добрую сотню страниц, а во-вторых, это уже и так сделано многими). Я представляю только то понимание культуры, которое принято в современной лингвокультурологии и которое было предложено В.Н. Телия. Итак, *культура* есть *мироощущение, мироосознание и миропонимание народа*. Подобное понимание никоим образом не исключает материальной составляющей культуры, напротив, «мир материального» и «мир ментального» рассматриваются с точки зрения их взаимовлияния, взаимодействия и взаимозависимости. Однако совершенно очевидно, что филолога в первую очередь интересует *не то, как и из чего* делается тот или иной предмет, а *как он осмысливается* в культуре и *какое место* в ней занимает. Например, неважно, как, из чего и для чего делаются *плитусы* или *табуретки*, важно, что интеллект для русских может быть *ниже плитуса* или в лучшем случае *на уровне табурета*. Неважно, какие, как и из чего делались *веревки*, важно, что до сих пор можно *вить веревки* из кого-либо, *в доме повешенного о веревке не говорят*, и в конце концов *сколько веревочке не виться...* Неважно, какие, как, из чего и для чего делаются *пуговицы*, важно, что *глазки-пуговики* ни красотой, ни умом не блещут. И т. д., и т. п. Примеры можно множить и множить...

Следует отметить, что при таком подходе четко различаются и разводятся понятия *культура* и *цивилизация*. Последняя в данном случае понимается как совокупность прежде всего материальных ценностей, технологий и технологических практик, обусловливающих (насколько возможно) комфортное существование человека. Данные материальные ценности, технологии и технологические практики по определению не могут не оказывать влияния на ценности духовные, которые также важны для цивилизации, но выступают не столько в роли первичных, доминирующих и предопределяющих факторов, сколько в роли вторичных, «поддерживающих» и зависимых. Исходя из этого, можно утверждать, что по отношению к цивилизации мы можем говорить о различных уровнях развития, что абсолютно исключено и принципиально невозможно, когда мы говорим о культуре.

Если уж мы говорим о понимании культуры, то, соответственно, мы не можем не остановиться и на понятии лингвокультуры (тем более что этот термин уже упоминался в настоящей работе). Итак (позволю себе привести определение, которое я уже предлагала в ряде ранее написанных статей), *лингвокультура* предстает как *культура оязы-*

ковленная, овнешненная и закреплённая в знаках языка. И в этом смысле лингвокультура сближается с языковой картиной мира, но при всем при том данные феномены различны с точки зрения их онтологии. Языковая картина мира есть сложно организованное семантическое пространство, к которому применимы, в том числе, собственно лингвистические (в первую очередь – семантические) методы исследования. Лингвокультура же по своей сути есть феномен лингво-когнитивный, формируемый не языковыми единицами, но в первую очередь образами сознания в их вербальных, так сказать, одеждах. Иначе говоря, акцент смещается – и это смещение принципиально важно – с языка, овнешняющего образы, на образы, овнешняемые в языке. Или, другими словами (да простится мне такая вольность): с означającego – на означаемое. И едва ли собственно лингвистические методы исследований могут быть перенесены на это «поле» безболезненно и без потерь (как для самих методов, так и – особенно – для объекта исследований). Вероятно, можно провести такую параллель: как образ мира соотносён (хотя не однозначно и не прямолинейно) с языковой картиной мира и закрепляется в ней, так и культура оказывается воплощена в лингвокультуре. Представляется, что языковая картина мира в данном случае может рассматриваться как основной вход в пространство лингвокультуры. Из всего только что сказанного следует, что, говоря о лингвокультуре, мы рассматриваем, вслед за В.Н. Телия [Телия 2006], *знаки языка* (в лингвистическом понимании этого термина) как *тела знаков языка культуры*.

Таким образом, изначально мы имеем две самостоятельные семиотические системы, каждая из которых обладает своим собственным «языком»: культура vs. естественный язык человека. Думается, что там, где имеет место их пересечение и взаимопроникновение, где знаки языка культуры существуют в своем вербальном воплощении, а знаки естественного языка – только как тела знаков языка культуры и их собственно лингвистические категории оказываются частично нерелевантными или, как минимум, отходят на второй план (подробнее см. [Красных 2008]), там и образуется *лингвокультура как третья семиотическая система*, со своими единицами, уровнями, законами организации и правилами функционирования, со своей системой, структурой и отношениями между элементами внутри таковых. И если это так (а это так), то мы, вероятно, можем (а скорее всего – и должны) выявить и описать *грамматику этой третьей семиотической системы* (первые попытки этого были предприняты мною в 2004 году [Красных 2005]).

Что касается *культурного пространства* (еще одно крайне важное для изучения культуры понятие, впервые упомянутое в [Гудков, Красных 1998]), то этот термин охватывает в первую очередь собственно «ментальную» сферу культуры, ибо по сути своей культурное пространство есть *результат отражения* (в психологическом смысле данного термина) *культуры в сознании ее представителей*. Таким образом, культура, лингвокультура и культурное пространство оказываются онтологически связанными; они неслиянны (как неслиянны образы сознания и тела знаков, в которых они овнешняются) и неразрывны (как неразрывны «альфа» и «омега» в пределах единой системы).

Культура и лингвокультура, с одной стороны, «творят» *Homo Loquens*, а с другой – творимы им. Следовательно, *Homo Loquens* – это и объект, и субъект культуры и лингвокультуры. При этом *Homo Loquens* был, есть и остается и субъектом, и объектом дискурса и языка (вспомните знаменитое: «я использую язык в той же мере, в какой язык использует меня»; а также современное изучение не только «человека в языке», но и «языка в человеке»).

Таким образом, сложнейшая полифония, которая окружает современного *Homo Loquens* с момента его рождения и до последнего вздоха, та историко-социо-культурно-языковая среда, в которой он живет и в которую он оказывается погружен, формируются именно пересечениями, столкновениями и переплетениями различных семиотических систем: с одной стороны, вербального и невербального миров, с другой – языков, культур

и лингвокультур. Изучение данной полифонии – одна из насущнейших проблем современной науки.

Литература

1. *Гудков Д.Б., Красных В.В.* Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета МГУ. М., 1998. Вып. 2. С. 124-133.
2. *Красных В.В.* Единицы языка vs. единицы дискурса и лингвокультуры (к вопросу о статусе прецедентных феноменов и стереотипов) // Вопросы психолингвистики. 2008, № 7. С. 53-58.
3. *Красных В.В.* Культурное пространство: система координат // *Respectus philologicus*. 2005. № 7 (12). С. 10-24.
4. *Кронгауз М.* «Русский язык на грани нервного срыва». М., 2007.
5. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего. М., 2005.
6. *Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М., 2006.
7. *Прохоров А.* Унаследованный дискурс. СПб., 2007.
8. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
9. *Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. / Отв.ред. В.Н. Телия. М., 2006. С. 776-782.